

парадигмы

**Д.О.Тимошкин, Ф.А.Сметанин, Ю.О.Корешкова,
Н.Н.Зборовицкая, А.А.Волошин, Д.Е.Брызгина**

**ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ
КАК МЕХАНИЗМ
ПРОИЗВОДСТВА ГРАНИЦ
«ВООБРАЖАЕМЫХ СООБЩЕСТВ»
На примере образа внутреннего мигранта
в СИБИРСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА¹**

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10075 (<https://rscf.ru/project/22-78-10075/>).

Дмитрий Олегович Тимошкин — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: dmttrim@gmail.com.

Федор Анатольевич Сметанин — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: f-smetanin@mail.ru.

Юлия Олеговна Корешкова — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: yuliakodzhaeva@yandex.ru.

Настасья Николаевна Зборовицкая — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: zborovickaya@mail.ru.

Андрей Александрович Волошин — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: voloha94@yandex.ru.

Диана Евгеньевна Брызгина — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Для связи с автором: br.diana21@gmail.com.

Аннотация. В статье исследуется процесс производства границ «воображаемых сообществ» поисковыми системами на примере создаваемого ими образа внутренних мигрантов, прибывающих в Томск, Красноярск и Иркутск. Комбинируя количественный и качественный контент-анализ, авторы проанализировали образ, формируемый текстами, составляющими первые страницы поисковой выдачи Google, Яндекс, Bing, DuckDuckGo и

Mail.ru. Установлено, что в большинстве текстов внутренний мигрант представлен как малообеспеченный низкоквалифицированный мужчина, постоянно оказывающийся в экстремальных ситуациях, чаще — преступлениях, жертвой или виновником которых он становится. При этом в зависимости от этнохоронима и названия принимающего города в запросе некоторые существенные детали образа могут различаться.

Согласно гипотезе авторов, тот факт, что все рассмотренные поисковые системы корректируют образ мигранта в зависимости от принимающего города, говорит о наличии региональной специфики в формировании повестки дня. В свою очередь сходство социальных действий, пространств и фигур, составляющих образ внутреннего мигранта в поисковой выдаче, с аналогичными компонентами образа мигранта трансграничного указывает на то, что пересечение региональных границ является достаточным основанием для выделения совершившего его человека в отдельную, стигматизируемую категорию. Поисковые системы фрагментируют «воображаемое сообщество» в повестке дня, выдвигая в топ выдачи тексты, в которых региональные группы изображаются опасными друг для друга чужаками. Это позволяет предположить, что алгоритмы конструируют/воспроизводят представления местных сообществ о самих себе, плохо вписывающиеся в политический миф о единой российской общности, определяемой национальными границами. Если это предположение верно, то поисковые системы выступают в качестве актора (или его репрезентанта), оспаривающего национальную мифологию.

Ключевые слова: внутренняя миграция, повестка дня, границы, воображаемые сообщества, поисковые системы, политический актор

² Page 1996; Latour 1999.

³ Anderson 1991.

⁴ Кассирер 2011.

⁵ Липпманн 2004.

⁶ Целыковский 2016.

⁷ Герштейн 2020.

⁸ Евгеньева и Селезнева 2007.

⁹ Паин 2014.

Современные медиа все больше становятся полноценными акторами², оказывающими непосредственное влияние на критически значимые для национальных государств процессы. В свое время поспособствовав формированию «воображаемых сообществ»³, медиа поддерживают их границы, подкрепляя представления об общности интересов больших групп людей, и являются механизмом реализации ключевых функций политического мифа⁴, а именно конструирования, передачи и легитимации упрощенных схем действительности⁵, конвенциональность которых лежит в основе существования национальных государств⁶. Важной частью продуцируемых и распространяемых медиа образов национального «мы» выступает негативная идентичность⁷, определение «своих» через отрицание «других». Подчеркивание границ, отделяющих «нас» от воображаемого «врага»⁸, — один из наиболее эффективных инструментов поддержания веры в целостность сообщества, к которому широко прибегают, в частности, российские СМИ⁹.

В работах, посвященных ксенофобии, констатируется, что для конструирования дихотомии «свой — чужой» обычно используются трансграничные мигранты, превращаемые, прежде всего посредством

¹⁰ Веснина 2009.

¹¹ См., напр. Boomgaarden and Vliegenthart 2007; Aalberg and Strabac 2010; Georgiou 2012.

¹² Fleras and Kunz 2001; Boomgaarden and Vliegenthart 2007; Georgiou 2012.

¹³ Caviedes 2015; Eberl et al. 2018.

¹⁴ Stonequist 1935; Бебер 1994.

¹⁵ Chouliaraki and Stolic 2017.

¹⁶ Веснина 2010; Варганова 2015; Маркина 2015; Якимова 2015; Комарова 2019.

¹⁷ McCombs and Reynolds 2002; Holone 2016; Ariguete 2017.

¹⁸ Воронов и Сидоров 2021.

¹⁹ May 2022; Schwartz 2022.

²⁰ Миаль 1993.

²¹ Hughes 1986; Setra 2019.

медиа, в столь необходимого для локальной политической религии «врага»¹⁰. Исследователи, работающие над этой проблематикой, фокусируют внимание на трансграничной миграции, репрезентируемой профессиональными медиа¹¹. Отмечается, что СМИ оказывают существенное влияние на миграционные процессы, в том числе за счет создания представлений мигрантов и принимающего сообщества друг о друге¹². С одной стороны, медийный образ потенциальной страны прибытия неизбежно отражается на миграционных траекториях. С другой стороны, образ мигранта в СМИ может поддерживать политические мифы о чужаке, постоянно угрожающем целостности «мы» принимающего государства, помогая местным элитам удерживать власть.

Исследователями неоднократно фиксировалась предрасположенность массмедиа к конструированию и воспроизводству негативных стереотипов о мигрантах¹³. В публицистике они изображаются как маргиналы¹⁴, экзистенциальные «другие»¹⁵, своей инаковостью подчеркивающие границы «воображаемого сообщества» и одновременно разрушающие их. Известна способность подобных конструкторов воздействовать на реальные отношения между социальными группами, на состав и направление миграционных потоков, экономическую и социальную структуру принимающих территорий и в конечном счете на подходы к реализации миграционной политики. О ней говорят и многочисленные работы, посвященные стигматизации и различным формам дискриминации мигрантов в российских регионах¹⁶.

Наряду с традиционными СМИ на роль политического актора, формирующего повестку дня, сегодня претендуют и поисковые системы. Способность популярных поисковых алгоритмов организовывать представления больших групп людей о мире¹⁷ заставляет рассматривать их как возможных агентов, влияющих, помимо прочего, на восприятие сообществами границ между «своими» и «чужими». По мнению некоторых исследователей, по силе своего влияния поисковые системы даже превосходят профессиональные медиа¹⁸. Если публицистические тексты, описывая или замалчивая события, определяют, о чем пользователь будет думать, то от поисковых систем зависит, какие из этих текстов пользователь увидит в первых 10–20 результатах выдачи, а какие не увидит никогда. Вынося в топ выдачи одни материалы и скрывая другие как наименее релевантные пользовательскому запросу¹⁹, поисковые алгоритмы, по сути, порождают информационный аналог «тирании большинства»²⁰. При этом алгоритмы могут не только ретранслировать фоновое знание, но и воздействовать на него²¹.

В настоящей статье тестируется гипотеза, согласно которой поисковые алгоритмы способны конструировать и/или воспроизводить массовые представления о «воображаемых сообществах», располагая те или иные группы по разные стороны их границ путем выстраивания определенной последовательности текстов в поисковой выдаче. Для решения этой задачи мы исследовали образ внутреннего мигранта, прибывающего в Томск, Иркутск и Красноярск, в выдаче функционирующих

в России поисковых систем. Нас интересовало, с какими социальными действиями, пространствами и фигурами он ассоциируется? Каковы сходства и различия между образами, формируемыми разными поисковыми системами по разным запросам? Имеет ли значение изменение в запросе этнохоронима человека, прибывшего из конкретного региона, или названия принимающих регионов?

Фокус на внутренней миграции был обусловлен тем, что анализ медийных репрезентаций внутренней миграции в принципе большая редкость. Исключением являются лишь работы о влиянии СМИ на восприятие трудовых мигрантов в ЕС²², возвращающихся мигрантов в Албании²³ и сельских мигрантов в Китае²⁴. Российские исследования внутренней миграции, как правило, сфокусированы на макропроцессах²⁵ и почти не касаются ее отражения в медиа. Между тем, учитывая массовость межрегиональной миграции в России и ее влияние на регионы²⁶, напрашиваются два предположения. Во-первых, внутренняя миграция должна быть широко представлена в локальной повестке дня, в том числе и в той, что формируется поисковыми алгоритмами. Более того, в условиях серьезных культурных и экономических различий между некоторыми российскими регионами²⁷ она, подобно трансграничной миграции, вполне может спровоцировать переосмысление границ между «своими» и «чужими». Во-вторых, ввиду незначительности и даже иллюзорности различий между трансграничными и внутренними мигрантами²⁸ медийные репрезентации последних могут не в меньшей степени влиять на направление и содержание миграционных потоков, а также на попытки контролировать их с помощью государственной миграционной политики.

Нами была проанализирована выдача крупнейших в России поисковых систем — Google, Яндекс, Bing, Mail.ru и DuckDuckGo. Чтобы минимизировать влияние географического и социального контекста на результаты выдачи, в настройках поиска мы отключали все фильтры. Поисковые запросы содержали названия принимающих городов в сочетании с этнохоронимами, обозначающими выходцев из соседних регионов (тувинец в Красноярске, забайкалец в Иркутске) и небольших городов областного подчинения (братчанин в Иркутске, норильчанин в Красноярске). Названия принимающих городов комбинировались также со словом «мигрант» и его синонимами, такими как «переселенец», «приезжий» (приезжий + Томск, переселенец + Иркутск и т.п.). Всего было составлено 48 запросов, содержащих различные комбинации ключевых слов, которые вводились последовательно в каждую из пяти поисковых систем.

В анализируемый массив включались первые 30 результатов поиска по каждому запросу. С учетом склонности пользователей поисковых систем не погружаться в выдачу дальше нескольких страниц²⁹ правомерно предположить, что формируемый этими текстами образ мигранта будет репрезентировать позицию поисковой системы относительно пользовательских предпочтений. Именно первые страницы поисковой

²² Danaĵ and Wagner 2021.

²³ Dhēmbo, Ćaro, and Hoxha 2021.

²⁴ Zheng 2007; Tao 2015.

²⁵ Зайончковская 1991; Мкртчян 2004.

²⁶ Дятлов и Петрова 2010; Вакуленко 2012; Мкртчян и Карачурина 2014; Мкртчян 2020.

²⁷ Дементьев 2020; Самусенко и Бухарова 2022.

²⁸ Малахов 2015.

²⁹ Ашманов и Иванов 2011.

выдачи с наибольшей вероятностью просмотрит случайный пользователь.

Поскольку повторяющиеся в различных запросах и поисковых системах тексты точно так же формируют поисковую выдачу, увеличивая шансы на то, что представленный в них образ попадет на глаза пользователю, эти тексты тоже включались в общий массив. Всего в нем оказалось 7200 текстов, из которых было проанализировано 1373 релевантных цели исследования. Единицей анализа считался текст, который мы находили по прямой ссылке, отображенной на первых трех страницах поисковой выдачи, и связанный с темой перемещения между интересовавшими нас регионами. Совокупность результатов рассматривалась как заданная поисковой системой³⁰ повестка дня³¹ по теме внутренней миграции.

³⁰ Cho and Roy 2004; Bozdog 2013.

³¹ McCombs and Shaw 1972.

При работе с выдачей мы прибегли для категоризации массива к тематическому кодированию. Были введены следующие коды: пространство, где действует мигрант; событие, в котором он участвует; акторы, участвующие в этом событии вместе с ним; демографические характеристики; род занятий; коннотация. Для выделения общих черт образов внутреннего мигранта, а также переменных, влияющих на возникновение отличий, использовался качественный и количественный контент-анализ. Он применялся также для определения реакции поисковых систем на запросы, касающиеся миграции в Сибири. Массиву текстов, генерируемому поисковыми системами, мы присвоили переменные «Иркутск», «Томск», «Красноярск», что позволило сравнивать результаты выдачи в зависимости от выбранной системы и принимающего города в запросе. Среди других переменных некоторые (например, пол мигранта, тип текста, тональность, тип миграции) были строго определенными, некоторые (социальное действие) кодировались уникальными кодами по мере их появления в текстах. Чтобы сформировать общее представление о репрезентации мигранта, мы подсчитали коды и долю (в %) их появления в каждой переменной, а затем сопоставили результаты, полученные для отдельных поисковых систем и городов.

**Мужчина,
преступник,
маргинал:
характеристики
внутреннего
мигранта
в поисковой
выдаче**

Образ внутреннего мигранта в выдаче меняется в зависимости от комбинации упоминаемых в тексте тем. Некоторые фрагменты образа остаются практически неизменными. Их постоянство объясняется доминированием в выдаче публицистических текстов (см. *рис. 1*). Большинство медийных текстов, по сути, представляют собой криминальную хронику, где внутренний мигрант выступает виновником или жертвой преступлений (см. *рис. 2*). Причем это, как правило, именно насильственные преступления — убийства, драки и изнасилования. Кроме того, мигранты торгуют наркотиками, крадут и мошенничают.

Но даже если речь не идет о криминале, подавляющую часть ситуаций, в которых задействован мигрант, можно назвать экстремальными. Он отправляется пешком за тысячу километров, пропадает без

Рисунок 1³² Соотношение текстов по жанровой специфике и поисковым системам

³² Все представленные в статье рисунки и таблица созданы авторами по материалам исследования.

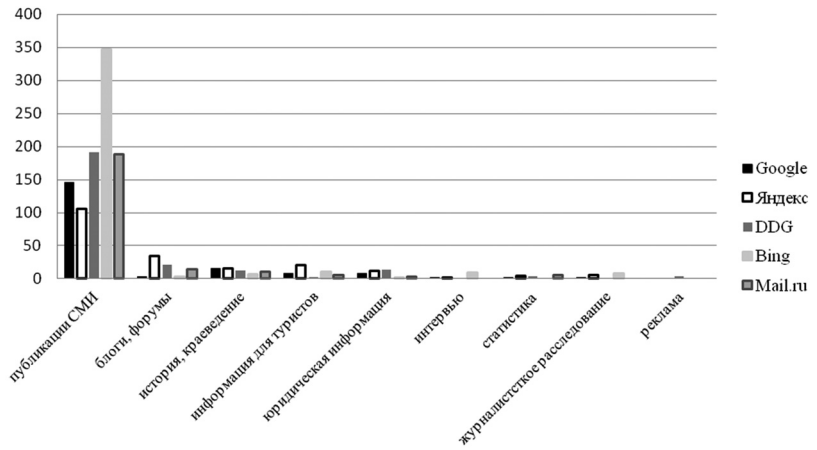
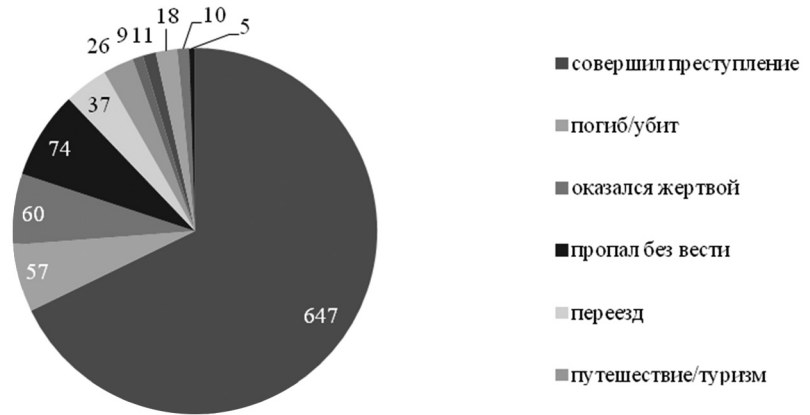

Рисунок 2 Социальные действия, в которых задействован мигрант (общее количество по всем поисковым системам)

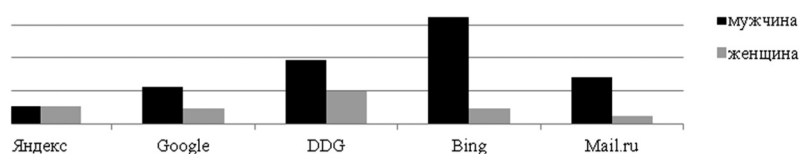

вести, напивается и устраивает дебоши. События, не выходящие за рамки социальной нормы, встречаются на порядок реже, и все они так или иначе связаны с перемещением из города в город: туристические поездки, получение должности в другом регионе и т.п. Действие, в котором участвует внутренний мигрант, определяет остальные тематические категории — пространство, коннотацию, (со)участвующих акторов. Неотъемлемой составляющей ситуаций, в которых оказывается внутренний мигрант, являются полиция, судебные органы, прокуратура. Они контролируют, ловят, наказывают, перемещают его.

Профессия мигранта чаще всего упоминается тогда, когда она связана с криминальной деятельностью. В редких случаях сообщается, что внутренний мигрант занят физическим трудом или работает в сфере обслуживания. Иногда журналисты пишут, что он «приехал на заработки». Упоминания иных форм занятости, не сопряженных с преступлением, довольно редки — это различные виды предпринимательства, обучение в высшей школе, работа в медицинской сфере. Тексты, в которых фигурирует подобная социально одобряемая деятельность, чаще встречаются по запросам, включающим слово «переселенец» или «приезжий». Пространство, в котором действует внутренний мигрант, тоже определяется преимущественно доминирующим в выдаче жанром. Прежде всего это места преступлений, суды, полицейские участки, тюрьмы. Изредка попадают поезда, вокзалы и аэропорты или что-то связанное с профессией мигранта.

Приезжий в текстах, составляющих топ выдачи, максимально обезличен. За редкими исключениями, помимо перемещения в пространстве и участия в той или иной экстремальной ситуации, мы можем узнать его пол и, реже, род занятий. Если в запросе нет гендерных окончаний, поисковые системы, кроме Яндекса, выносят в топ тексты, в которых участником событий является мужчина (см. рис. 3). Добавление гендерных окончаний не приносит разнообразия в поисковую выдачу: мигрантки тоже оказываются прежде всего героинями криминальной хроники, зачастую в роли преступницы, а не жертвы.

Рисунок 3 Соотношение упоминаемых мигрантов по гендерному признаку

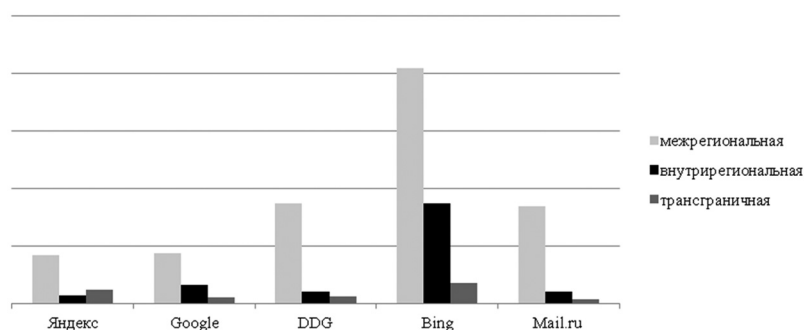

Типы активности, которые поисковые алгоритмы соотносят с пространственным перемещением, влияют на коннотацию образа: она либо негативная, либо нейтральная. Негативная коннотация характерна для публицистических текстов, где мигранта помещают в один семантический ряд со словами, связанными с совершаемыми мигрантом преступлениями, — «мошенник», «злоумышленник», «подозреваемый», «обвиняемый», «вор». Мигранта определяют не какие-то личные качества, профессия или заслуги, а в первую очередь сам факт перемещения через границу и преступление. Этнохоронимы в сочетании с названиями принимающих городов становятся знаками, выделяющими внутренних мигрантов в отдельную категорию. В публицистических текс-

тах они определяются не как люди, а именно как приезжие, тувинцы, буряты, переселенцы в Иркутске, Красноярске или Томске. Если в запросе оставить этнохороним, убрав слова, обозначающие перемещение через региональные границы, криминальная хроника почти полностью исчезает из выдачи. Именно пересечение границ повышает вероятность того, что человек будет представлен как участник или виновник экстремальной ситуации. Если случайный пользователь вдруг введет в рассмотренные нами поисковые системы аналогичные нашим запросы, он, скорее всего, увидит, что перемещения между сибирскими регионами осуществляет низкоквалифицированный мужчина, склонный к насилию и воровству.

Еще одна общая черта выдачи всех поисковых систем заключается в том, что внутрирегиональная миграция упоминается реже, чем межрегиональная (см. *рис. 4*). Возможно, перемещения внутри региона происходят настолько часто, что авторы текстов СМИ не считают нужным каким-либо образом выделять людей, их совершивших. Если межрегиональный мигрант соответствующим образом маркируется в текстах, что позволяет обнаружить их в выдаче, то мигрант внутрирегиональный рассматривается и обозначается как обычный «местный». Это может говорить о том, что именно пересечение границ регионов является фактором, обуславливающим выделение внутренних мигрантов в отдельную группу. Пересечения региональных границ оказывается достаточно для того, чтобы мигрант воспринимался как вызывающий опасения чужак, нарушающий целостность воображаемого «мы».

Рисунок 4 Соотношение по типу миграции и поисковым системам

**Факторы
вариативности
образа
внутреннего
мигранта**

Существует несколько факторов, которые могут изменить образ мигранта в выдаче. Наиболее значимые из них связаны с содержанием поискового запроса, а именно с фигурирующим в нем принимающим городом, а также с выбором этнохоронима или синонима слова «мигрант» (см. *табл. 1*). Каждый из этих факторов влияет прежде всего

на соотношение в выдаче криминальной хроники и других текстов — рекламы, исторических сочинений и т.д. Чем больше публицистических текстов выдвигается в топ алгоритмом поисковой системы, тем большую часть выдачи занимает малообеспеченный мужчина со склонностью к преступной деятельности.

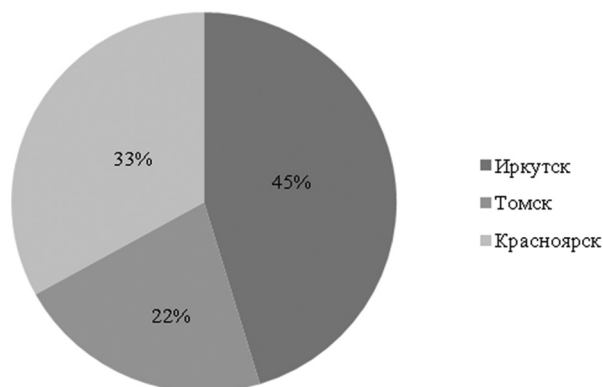
Таблица 1 Понятия, используемые в качестве синонимов к слову «мигрант» (общее число упоминаний по поисковым системам)

Понятие	Поисковая система				
	Яндекс	Google	DDG	Bing	Mail.ru
житель	227	142	289	396	235
этнохороним	89	63	81	278	178
переселенец	19	11	44	6	5
мигрант	10	6	6	3	1
уроженец	10	7	12	20	12
приезжий	9	37	38	69	7
беженец	0	0	24	1	0

На соотношение текстов, принадлежащих к разным жанрам, а значит, и на содержание образа внутреннего мигранта влияет термин, использованный для его обозначения в запросе. Слово «мигрант», судя по выдаче, ассоциируется с транснациональным перемещением. Слова «приезжий» и «переселенец» употребляются в обоих значениях, однако чаще именно в связи с миграцией внутренней. «Переключение» в запросе принимающего региона и региона-донора смещает фокус с мест преступлений на городские достопримечательности, с телег, движущихся по сибирскому тракту, на офисы миграционных юристов. Соответственно, меняется и коннотация слова «мигрант». Мигрант внутренний («приезжий» в Красноярске, «забайкалец» в Иркутске и т.д.) занимает те же пространства и соприкасается преимущественно с теми же акторами, что и мигрант трансграничный. Прежде всего он находится на местах преступлений, в полиции и судах, контактируя с государственными чиновниками, расследующими криминальные события.

Если в запросе фигурирует «Иркутск», мы получаем в выдаче всех поисковых систем в среднем вдвое больше публицистических текстов о внутренних мигрантах, нежели при использовании слова «Томск» (см. рис. 5). В Томске мигрант сопрягается с иным набором пространств и действий. Изменение города меняет представления алгоритма об интересах пользователей. При включении в запрос слова «Томск» большую часть выдачи составят рекламные тексты. Но хотя люди в них

Рисунок 5 Соотношение текстов по городам
(общее количество по поисковым системам)

могут вовсе не упоминаться, они тоже формируют определенное представление о миграции в целом. Когда большинство выдачи составляет реклама транспортных компаний, театров, туристических мест, правомерно предположить, что для поисковой системы автором запроса является мигрант. Алгоритм выдвигает рекламу в топ в расчете на человека, который не знает города и ищет информацию о том, как до него добраться, где найти те или иные услуги.

Изменение названия принимающего города может отразиться на том, какое значение будет вкладываться в тот или иной синоним слова «мигрант». Сочетание «приезжий + Иркутск» в DuckDuckGo, Google, Mail.ru и Bing формирует выдачу, где преобладают публицистические тексты, в которых внутренний мигрант выступает виновником или жертвой преступления. При замене в запросе Иркутска на Томск, как уже говорилось, публицистические тексты уступают место рекламе туристических агентств и отзывам о городе.

В случае с Томском «приезжий» — это скорее турист в поисках достопримечательностей, а «переселенец» — участник стальных программ, движущийся в Сибирь, или ссыльный периода сталинских репрессий. В случае с Иркутском первый, помимо туриста, оказывается внутренним или трансграничным мигрантом, совершающим преступление, второй — переселенцем-крестьянином или беженцем с восточных территорий Украины, реже — трансграничным мигрантом. В выдаче, касающейся Красноярска, все тексты по запросу «приезжий», кроме одного, описывают преступления, совершенные внутренними мигрантами.

Один и тот же этнохороним в сочетании с разными принимающими городами тоже дает разные результаты. Запрос «тувинец + Иркутск»

приводит на сайты знакомств, к расписаниям музеев и историческим статьям. Криминальная хроника встречается и здесь, но она практически никак не связана с миграцией. Выдача по запросу «тувинец + Красноярск» показывает только криминальную хронику, где тувинец — либо преступник, либо жертва преступления.

Нейтральная коннотация образа внутреннего мигранта, формируемого поисковыми системами по запросу, включающему слово «Томск», может быть обусловлена большим количеством в городе внутренних мигрантов. Их присутствие рутинно и не вызывает интереса. Томск — студенческий город, где учащиеся составляют около пятой части населения и не воспринимаются принимающим сообществом ни как угроза, ни как нечто чужеродное. Вероятно, поисковая система не отправляет в топ криминальную хронику потому, что пользователи не считают такие тексты релевантными и не реагируют на них.

На образе мигранта в выдаче, похоже, сказывается и уровень жизни в регионах-донорах, накладывающий отпечаток на социальный состав миграционных потоков. Доминирование криминальной хроники в выдаче по отдельным запросам может быть связано с тем, что среди приезжающих в города преобладают бедные и плохо социализированные люди, которые не имеют необходимых для интеграции ресурсов и не включены в локальные горизонтальные сети. В выдаче отражается ставка внутренних мигрантов на альтернативные механизмы интеграции.

Выбор поисковой системы незначительно влияет на содержание образа. Различные алгоритмы формируют близкие образы, ориентируясь на предпочтения аудитории. Все они сходятся в том, что пользователи по какой-то причине желают видеть новости о совершаемых приезжими преступлениях. И если заявления создателей поисковых алгоритмов об учете последними пользовательских предпочтений действительно обоснованны, можно предположить наличие региональной специфики в восприятии миграции. То, что все рассмотренные поисковые системы избегают помещать в топ выдачи по запросу со словом «Томск» криминальную хронику, может свидетельствовать о незаинтересованности томских пользователей в новостях о совершенных внутренними мигрантами убийствах и кражах.

Заключение

Пересечение региональных границ может быть причиной для выделения совершившего его человека в отдельную категорию в повестке дня. На это указывает, в частности, обилие обнаруженных нами в выдаче текстов, в которых «приезжие» выделены в особую группу и маркируются как «тувинец в Красноярске», «читинец в Томске» и т.д. Сами эти определения, состоящие из этнохоронима, обозначающего регион исхода, в сочетании с названием принимающего города по умолчанию предполагают, что соответствующий человек выделен из общего фона места прибытия.

И хотя речь идет о смене одного российского город на другой, самого этого обстоятельства недостаточно для того, чтобы стать «своим» для принимающего сообщества. Это в равной степени относится и к этнически маркированным внутренним мигрантам («тувинец», «бурят»), и ко всем остальным («забайкалец», «иркутянин»). Судя по проведенному нами анализу, пространственное перемещение является основанием для помещения социальной группы в контекст экстремальных, неконвенциональных ситуаций. Если вводить в поисковые системы запросы с ключевыми словами, означающими другие, не ассоциируемые с миграцией группы, в сочетании с теми же городами, криминальная хроника из выдачи практически исчезает.

Один из ключевых признаков внутреннего мигранта в выдаче поисковых систем — его участие в экстремальных событиях. Своим поведением он постоянно испытывает представления принимающего сообщества о социально приемлемом. Его субъектность проявляется в насилии, опасном как для него самого, так и для представителей этого сообщества. Поэтому постоянным спутником внутреннего мигранта в публицистических текстах оказывается ограничивающая проявления его субъектности бюрократия. Пространственный контекст, в котором фигурирует внутренний мигрант, тоже постоянно напоминает нам о его «пограничном» положении — помимо судов и мест преступлений, он регулярно обнаруживается в пределах различных «не-мест»³³ — вокзалов и аэропортов.

³³ Оже 2017.

Принимая как истину способность поисковых алгоритмов считывать пользовательские настроения и пожелания, можно предположить, что во всех городах, за исключением Томска, пользователи опасаются внутреннего мигранта не меньше, чем трансграничного, что и находит отражение в обилии криминальной хроники в выдаче. Внутренний мигрант, как и мигрант трансграничный³⁴, в повестке дня, а значит, и в общественных представлениях является чужаком, существом маргинальным, находящимся на границе между различными пространственным и социальными категориями. Проведенный анализ показывает, что поисковые алгоритмы конструируют/воспроизводят границы между региональными группами, используя механизм превращения приезжего в опасного «другого», схожий с теми, что применяются при описании трансграничных мигрантов.

³⁴ Тимошкин 2020.

Гипотетически поисковые алгоритмы можно рассматривать как социального агента, либо отражающего уже сложившиеся установки локальных сообществ, в которых единого «мы» за пределами «нашего» региона не существует, либо формирующего их. Следствием данной гипотезы является заключение о фрагментированности границ «воображаемого сообщества» в коллективных представлениях, (вос)производимых в повестке дня поисковыми системами. Тот факт, что внутренний мигрант, причем вне зависимости от наличия или отсутствия этнических маркеров, в одних локальных повестках дня представлен как опасный чужак, а в других — как нейтральный путешественник, может

говорить о разнице восприятия населением региональных столиц тезиса о целостности национальной группы, поддерживаемого современной российской политической религией.

При этом (опять же гипотетически) чем больше городу приходится сталкиваться с входящими миграционными потоками, тем менее для него характерно восприятие приезжего как чужака. Маргинальность внутреннего мигранта, его ассоциированность в повестке дня с девиантным поведением позволяет отнести его к «грязи» (в понимании Мэри Дуглас³⁵), к категории вещей и существ, чья опасность определяется нахождением их не на своем месте, за пределами конвенциональных границ. Это заставляет задаться вопросом о том, где в таком случае проходят границы, разделяющие «воображаемые сообщества». И можно ли вообще говорить о наличии единой коллективной идентичности, объединяющей население России³⁶?

³⁵ Дуглас 2000.

³⁶ Малинова 2008.

На наш взгляд, полученные результаты открывают возможность для проведения таких сравнительных исследований, которые бы раскрывали отношение к внутренним мигрантам не только поисковых алгоритмов, но и тех, кто ими пользуется. Прежде всего необходимо сравнить образ в поисковой выдаче с тем, как видят внутреннего мигранта респонденты. Сопоставление сформированных в интервью образов с тем, что демонстрируют поисковые системы, позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу о региональной специфике в восприятии миграции и даже подойти к ответу на вопрос о конвенциональности общего «культурного пространства», которое делает проблему интеграции внутренних мигрантов неактуальной. Проверив, действительно ли внутренние мигранты воспринимаются населением некоторых региональных столиц как «чужаки», мы можем приблизиться к пониманию того, как в России проводятся границы между «воображаемыми сообществами» в принципе.

Библиография

Ашманов И. и А.Иванов. (2008) *Оптимизация и продвижение сайтов в поисковых системах*. СПб.: Питер.

Вакуленко Е.С. (2019) «Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы?» // *Прикладная эконометрика*, № 3 (55): 113–138.

Варганова О.Ф. (2015) «Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа)» // *Социологическая наука и социальная практика*, № 3 (11): 81–93.

Вебер М. (1994) *Избранное: Образ общества*. М.: Юрист.

Веснина Л.Е. (2009) «Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ» // *Лингвокультурология*, вып. 3: 27–34. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2767/1/licu-2009-03-04.pdf> (проверено 24.03.2023).

Веснина Л.Е. (2010) «Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ» // *Политическая лингвистика*, № 1 (31): 84–89.

Воронов С.А. и И.А.Сидоров. (2021) «Механизмы поисковой системы Google, используемые в информационном противоборстве» // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*, т. 19, № 1: 26—38.

Герштейн И.З. (2020) «„Негативная“ идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР)» // *Via in tempore. История. Политология*, т. 47, № 3: 630—639.

Дементьев В.Е. (2020) «Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста» // *Terra Economicus*, т. 18, № 2: 6—21. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2020/18_2.pdf (проверено 24.03.2023).

Дуглас М. (2000) *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле.

Дятлов В.И. и Е.Н.Петрова. (2010) «Иркутская область: динамика внешних миграций в условиях экономического кризиса» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, № 2: 73—83.

Евгеньева Т.В. и А.В.Селезнева. (2007) «Образ „врага“ как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи» // *Полития*, № 3 (46): 83—92. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Evgenyeva_Selezneva-2007-3.pdf (проверено 24.03.2023).

Зайончковская Ж.А. (1991) *Демографическая ситуация и расселение*. М.: Наука.

Кассирер Э. (2011) «Технологии современных политических мифов» // *Политико-философский ежегодник*. Вып. 4. М.: ИФРАН: 112—133.

Комарова Е.В. (2019) «Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа» // *Филология и культура*, № 4 (58): 52—60.

Липпманн У. (2004) *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Малахов В.С. (2015) *Интеграция мигрантов: Концепции и практики*. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Малинова О.Ю. (2008) «Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема „империи“» // *Политическая наука*, № 1: 31—58.

Маркина В.М. (2015) «Стратегии репрезентации Других в СМИ: теория и методология контент-анализа» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 1: 82—90.

Милье Дж. (1993) «О свободе» // *Наука и жизнь*, № 11: 10—15.

Мкртчян Н.В. (2004) «„Западный дрейф“ внутрirosсийской миграции» // *Отечественные записки*, № 4 (19): 94—104.

Мкртчян Н.В. (2020) «Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей» // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. Т. 18. М.: МАКС Пресс: 431—448.

Мкртчян Н.В. и Л.Б.Карачурина. (2014) «Миграция в России: потоки и центры притяжения» // *Демоскоп Weekly*, № 595—596: 1—17.

Оже М. (2017) *Не-места: Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.

Паин Э. (2014) «Ксенофобия и национализм в эпоху российско-го безвременья» // *Pro et Contra*, т. 62, № 1—2: 34—53. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_62_34-53.pdf (проверено 24.03.2023).

Самусенко С.А. и Е.Б.Бухарова. (2022) «Внутрирегиональное социальное и экономическое пространственное неравенство в ресурсных экономиках» // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, т. 15, № 7: 1012—1023.

Тимошкин Д.О. (2020) «Разнообразие „Других“: образ „московского мигранта“ на странице результатов поиска Google, Яндекс и DuckDuckgo» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 18, № 4: 641—656.

Цельковский А.А. (2016) «Политический миф как детерминанта формирования национального политического сознания» // *Вестник Челябинского государственного университета*, № 3 (385): 13—20.

Якимова О.А. (2015) «Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия» // *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 18, № 3: 123—136.

Aalberg T. and Z.Strabac. (2010) «Media Use and Misperceptions: Does TV Viewing Improve Our Knowledge about Immigration?» // *Nordicom Review*, vol. 31, no. 1: 35—52.

Anderson B. (1991) *Imagined Societies: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.

Aruguete N. (2017) «The Agenda Setting Hypothesis in the New Media Environment» // *Comunicación y Sociedad*, no. 28: 35—58.

Boomgaarden H.G. and R.Vliegthart. (2007) «Explaining the Rise of Anti-Immigrant Parties: The Role of News Media Content» // *Electoral Studies*, vol. 26, no. 2: 404—417.

Bozdag E. (2013) «Bias in Algorithmic Filtering and Personalization» // *Ethics and Information Technology*, vol. 15, no. 3: 209—227.

Caviedes A. (2015) «An Emerging „European“ News Portrayal of Immigration?» // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 41, no. 6: 897—917.

Cho J. and S.Roy. (2004) «Impact of Search Engines on Page Popularity» // *Proceedings of the 13th International Conference on World Wide Web*. New York: 20—29. URL: <https://dl.acm.org/doi/proceedings/10.1145/988672?tocHeading=heading2> (accessed on 24.03.2023).

Chouliaraki L. and T.Stolic. (2017) «Rethinking Media Responsibility in the Refugee „Crisis“: A Visual Typology of European News» // *Media, Culture & Society*, vol. 39, no. 8: 1162—1177.

Chouliaraki L. and R. Zaborowski. (2017) «Voice and Community in the 2015 Refugee Crisis: A Content Analysis of News Coverage in Eight Europe-

an Countries» // *International Communication Gazette*, vol. 79, no. 6–7: 613–635.

Danaj S. and I.Wagner. (2021) «Beware of the „Poverty Migrant“: Media Discourses on EU Labour Migration and the Welfare State in Germany and the UK» // *Zeitschrift für Sozialreform*, vol. 67, no. 1: 1–27.

Dhëmbó E., E.Çaro, and J.Hoxha. (2021) «„Our Migrant“ and „the Other Migrant“: Migration Discourse in the Albanian Media, 2015–2018» // *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 8, no. 1: 1–10.

Eberl J.M., C.E.Meltzer, T.Heidenreich, B.Herrero, N.Theorin, F.Lind, and J.Strömbäck. (2018) «The European Media Discourse on Immigration and Its Effects: A Literature Review» // *Annals of the International Communication Association*, vol. 42, no. 3: 207–223.

Fleras A. and J.L.Kunz. (2001) *Media and Minorities: Representing Diversity in a Multicultural Canada*. Toronto: Thompson Educational Publishing.

Georgiou M. (2012) «Introduction: Gender, Migration and the Media» // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 35, no. 5: 791–799.

Holone H. (2016) «The Filter Bubble and Its Effect on Online Personal Health Information» // *Croatian Medical Journal*, vol. 57, no. 3: 298–301.

Hughes T.P. (1986) «The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera» // *Social Studies of Science*, vol. 16, no 2: 281–292.

Latour B. (1999) *On Recalling ANT in Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell Publishers.

May 2022 Core Update Releasing for Google Search. URL: <https://developers.google.com/search/blog/2022/05/may-2022-core-update> (accessed on 30.03.2023).

McCombs M. and A.Reynolds. (2002) «News Influence on Our Pictures of the World» // Bryant J., D.Zillmann, and M.B.Oliver, eds. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. New York: Routledge: 11–28.

McCombs M. and D.L.Shaw. (1972) «The Agenda-Setting Function of Mass Media» // *Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no. 2: 176–187.

Page B.I. (1996) «The Mass Media as Political Actors» // *PS: Political Science & Politics*, vol. 29, no. 1: 20–24.

Sætra H.S. (2019) «The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big Data» // *Technology in Society*, vol. 59, no. 4: 101–155.

Schwartz B. (2022) *Google Releases September 2022 Product Reviews Update*. URL: <https://searchengineland.com/google-releases-september-2022-product-reviews-update-387293> (accessed on 30.03.2023).

Stonequist E.V. (1935) «The Problem of the Marginal Man» // *American Journal of Sociology*, vol. 41, no. 1: 1–12.

Tao L. (2015) *Media Representation of Internal Migrant Children in China between 1990 and 2012*. Ph.D. diss. Sydney: The University of New South Wales.

Zheng T. (2007) «Performing Media-Constructed Images for First-Class Citizenship: Political Struggles of Rural Migrant Hostesses in Dalian» // *Critical Asian Studies*, vol. 39, no. 1: 89–120.

РОСНАУ

**D.O.Timoshkin, F.A.Smetanin, Iu.O.Koreshkova,
N.N.Zborovitskaya, A.A.Voloshin, D.E.Bryazgina**
**SEARCH ENGINES AS MECHANISM FOR
CONSTRUCTING BOUNDARIES
OF “IMAGINED COMMUNITIES”
CASE OF INTERNAL MIGRANT IMAGE
IN SIBERIAN REGIONAL DIGITAL MEDIA³⁷**

³⁷ The study was supported financially by the Russian Science Foundation within the Scientific Project No. 22-78-10075 (<https://rscf.ru/project/22-78-10075/>).

Dmitriy O. Timoshkin — Ph.D. in Sociology; Senior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: dmtrtim@gmail.com.

Fedor A. Smetanin — Junior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: f-smetanin@mail.ru

Iuliia O. Koreshkova — Junior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru.

Nastasia N. Zborovitskaya — Junior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: zborovickaya@mail.ru.

Andrey A. Voloshin — Junior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: voloha94@yandex.ru

Diana E. Bryazgina — Junior Researcher at Irkutsk State University. E-mail: br.diana21@gmail.com.

Abstract. The article analyzes the process of constructing boundaries of imagined communities by search engines, using the case of the image of internal migrants arriving in Tomsk, Krasnoyarsk, and Irkutsk. Combining quantitative and qualitative content analysis, the authors analyzed the image of internal migrants created by the texts that make up the first pages of search results of Google, Yandex, Bing, DuckDuckGo, and Mail.ru. They found that in most texts, an internal migrant is presented as a poor, low-skilled man who constantly finds himself in extreme situations, more often — crimes, in which he is either a victim or an offender. At the same time, some essential details of the image may differ depending on the chosen ethnonym and the name of the host city in the search query.

According to the authors' hypothesis, the fact that all the search engines under question modify the image of a migrant depending on the host city in-

dicates the presence of regional specifics in the agenda formation. At the same time, the similarity in social actions, spaces and actors that make up the image of an internal migrant in the search results with the same components in the image of a cross-border migrant indicates that crossing regional borders becomes a sufficient condition for classifying a person who crossed borders into a separate, stigmatized category. Search engines fragment the “imagined community” in the agenda by putting first texts that draw regional groups as outsiders who are dangerous to each other. This finding allows to hypothesize that algorithms construct/reproduce perceptions of local communities about themselves, which falls out of the political myth of a unified Russian community defined by national borders. If the hypothesis is true, it could mean that search engines are beginning to function as an actor (or its representative) that defies contemporary political mythology.

Keywords: internal migration, agenda, borders, imagined societies, search engines, political actor

References

- Aalberg T. and Z.Strabac. (2010) “Media Use and Misperceptions: Does TV Viewing Improve Our Knowledge about Immigration?” // *Nordicom Review*, vol. 31, no. 1: 35–52.
- Anderson B. (1991) *Imagined Societies: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.
- Aruguete N. (2017) “The Agenda Setting Hypothesis in the New Media Environment” // *Comunicación y Sociedad*, no. 28: 35–58.
- Ashmanov I.S. and A.Ivanov. (2008) *Optimizatsiya i prodvizhenie saj-tov v poiskovykh sistemakh* [Optimization and Promotion of Websites in Search Engines]. St Petersburg: Peter. (In Russ.)
- Augé M. (2009) *Ne-mesta: Vvedenie v antropologiju gipermoderna* [Non-lieux: Introduction à une anthropologie de la survodernité]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Boomgaarden H.G. and R.Vliegthart. (2007) “Explaining the Rise of Anti-Immigrant Parties: The Role of News Media Content” // *Electoral Studies*, vol. 26, no. 2: 404–417.
- Bozdag E. (2013) “Bias in Algorithmic Filtering and Personalization” // *Ethics and Information Technology*, vol. 15, no. 3: 209–227.
- Cassirer E. (2011) “Tekhnologii sovremennykh politicheskikh mifov” [Technologies of Modern Political Myths] // *Politiko-filosofskij ezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. Issue 4. Moscow: IFRAN: 112–133. (In Russ.)
- Caviedes A. (2015) “An Emerging „European“ News Portrayal of Immigration?” // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 41, no. 6: 897–917.
- Cho J. and S.Roy. (2004) “Impact of Search Engines on Page Popularity” // *Proceedings of the 13th International Conference on World Wide Web*. New York: 20–29. URL: <https://dl.acm.org/doi/proceedings/10.1145/988672?tocHeading=heading2> (accessed on 24.03.2023).

Chouliaraki L. and R. Zaborowski. (2017) “Voice and Community in the 2015 Refugee Crisis: A Content Analysis of News Coverage in Eight European Countries” // *International Communication Gazette*, vol. 79, no. 6–7: 613–635.

Chouliaraki L. and T. Stolic. (2017) “Rethinking Media Responsibility in the Refugee „Crisis“: A Visual Typology of European News” // *Media, Culture & Society*, vol. 39, no. 8: 1162–1177.

Danaj S. and I. Wagner. (2021) “Beware of the „Poverty Migrant“: Media Discourses on EU Labour Migration and the Welfare State in Germany and the UK” // *Zeitschrift für Sozialreform*, vol. 67, no. 1: 1–27.

Dementiev V.E. (2020) “Faktory differentsiatsii regionov po tempam ekonomicheskogo rosta” [Factors of Regional Differentiation by Economic Growth Rates] // *Terra Economicus*, vol. 18, no. 2: 6–21. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2020/18_2.pdf (accessed on 24.03.2023). (In Russ.)

Dhëmbó E., E.Çaro, and J.Hoxha. (2021) “„Our Migrant“ and „the Other Migrant“: Migration Discourse in the Albanian Media, 2015–2018” // *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 8, no. 1: 1–10.

Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost’*: *Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow: Kanon-press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)

Dyatlov V.I. and E.N. Petrova. (2010) “Irkutskaja oblast’: dinamika vneshnikh migratsij v uslovijakh ekonomicheskogo krizisa” [Irkutsk Region: Dynamics of External Migrations in Conditions of Economic Crisis] // *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”], no. 2: 73–83. (In Russ.)

Eberl J.M., C.E. Meltzer, T. Heidenreich, B. Herrero, N. Theorin, F. Lind, and J. Strömbäck. (2018) “The European Media Discourse on Immigration and Its Effects: A Literature Review” // *Annals of the International Communication Association*, vol. 42, no. 3: 207–223.

Evgenieva T.V. and A.V. Selezneva. (2007) “Obraz „vraga“ kak faktor formirovaniya natsional’noj identichnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi” [“Enemy Image” as the Factor of the Formation of Modern Russian Youth’s National Identity] // *Politeia*, no. 3 (46): 83–92. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Evgenyeva_Selezneva-2007-3.pdf (accessed on 24.03.2023). (In Russ.)

Fleras A. and J.L. Kunz. (2001) *Media and Minorities: Representing Diversity in a Multicultural Canada*. Toronto: Thompson Educational Publishing.

Georgiou M. (2012) “Introduction: Gender, Migration and the Media” // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 35, no. 5: 791–799.

Gerstein I.Z. (2020) “„Negativnaja“ identichnost’ kak faktor sovremen-nogo gosudarstvoobrazovaniya (na primere Belarusi, Ukrainy, DNR i LNR)” [“Negative” Identity as a Factor of Modern State Formation (on the Example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR)] // *Via in tempore. Istorija. Politolo-*

gija [Via in tempore. History and Political Science], vol. 47, no. 3: 630–639. (In Russ.)

Holone H. (2016) “The Filter Bubble and Its Effect on Online Personal Health Information” // *Croatian Medical Journal*, vol. 57, no. 3: 298–301.

Hughes T.P. (1986) “The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera” // *Social Studies of Science*, vol. 16, no 2: 281–292.

Komarova E.V. (2019) “Obraz migranta v mediadiskurse: traditsionnye SMI i novye media” [The Image of a Migrant in Media Discourse: Traditional Mass Media and New Mass Media] // *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], no. 4 (58): 52–60. (In Russ.)

Latour B. (1999) *On Recalling ANT in Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell Publishers.

Lippmann W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)

Malakhov V.S. (2015) *Integratsija migrantov: Kontseptsii i praktiki* [The Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Fond “Liberal'naja missija”. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2008) “Diskussii o gosudarstve i natsii v postsovetsoj Rossii i ideologema „imperii”” [Discussions about the State and the Nation in Post-Soviet Russia and the Ideologeme of “Empire”] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 31–58. (In Russ.)

Markina V.M. (2015) “Strategii reprezentatsii Drugikh v SMI: teorija i metodologija kontent-analiza” [Strategies of Representation of Others in Mass Media: Theory and Methodology of Content Analysis] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sotsiologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], no. 1: 82–90. (In Russ.)

May 2022 Core Update Releasing for Google Search. URL: <https://developers.google.com/search/blog/2022/05/may-2022-core-update> (accessed on 30.03.2023).

McCombs M. and A.Reynolds. (2002) “News Influence on Our Pictures of the World” // Bryant J., D.Zillmann, and M.B.Oliver, eds. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. New York: Routledge: 11–28.

McCombs M. and D.L.Shaw. (1972) “The Agenda-Setting Function of Mass Media” // *Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no. 2: 176–187.

Mill J. (1993) “O svobode” [On Liberty] // *Nauka i zhizn'* [Science and Life], no. 11: 10–15. (In Russ.)

Mkrtychyan N.V. (2004) “„Zapadnyj dref” vnutorirossijskoj migratsii” [The “Western Drift” of internal Russian Migration] // *Otechestvennye zapiski [OZ: Journal of Russian Thought]*, no. 4 (19): 94–104. (In Russ.)

Mkrtychyan N.V. (2020) “Rol' migratsii v dinamike chislennosti i struktury naselenija regionov Krajnego Severa i priravnennykh k nemu mestnostej” [The Role of Migration in the Dynamics of the Number and Structure of the Population of the Regions of the Far North and Equivalent Areas] // *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozjajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scien-

tific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 18. Moscow: MAKS Press: 431—448. (In Russ.)

Mkrtychyan N.V. and L.B.Karachurina. (2014) “Migratsija v Rossii: potoki i tsentry pritjazhenija” [Migration in Russia: Flows and Centers of Gravity] // *Demoscope Weekly*, no. 595—596: 1—17. (In Russ.)

Page B.I. (1996) “The Mass Media as Political Actors” // *PS: Political Science & Politics*, vol. 29, no. 1: 20—24.

Pain E. (2014) “Ksenofobija i natsionalizm v epokhu rossijskogo bezvremen’ja” [Xenophobia and Nationalism in an Era of Russian Timelessness] // *Pro et Contra*, vol. 62, no. 1—2: 34—53. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_62_34-53.pdf (accessed on 24.03.2023). (In Russ.)

Sættra H.S. (2019) “The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big Data” // *Technology in Society*, vol. 59, no. 4: 101—155.

Samusenko S.A. and E.B.Bukharova. (2022) “Vnutriregional’noe sotsial’noe i ekonomicheskoe prostranstvennoe neravenstvo v resursnykh ekonomikakh” [Intraregional Social and Economic Spatial Inequality in Resource-Abundant Economies] // *Zhurnal Sibirskogo federal’nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], vol. 15, no. 7: 1012—1023. (In Russ.)

Schwartz B. (2022) *Google Releases September 2022 Product Reviews Update*. URL: <https://searchengineland.com/google-releases-september-2022-product-reviews-update-387293> (accessed on 30.03.2023).

Stonequist E.V. (1935) “The Problem of the Marginal Man” // *American Journal of Sociology*, vol. 41, no. 1: 1—12.

Tao L. (2015) *Media Representation of Internal Migrant Children in China between 1990 and 2012*. Ph.D. diss. Sydney: The University of New South Wales.

Timoshkin D.O. (2020) “Raznoobrazie „Drugikh“: obraz „moskovskogo migranta“ na stranitse rezul’tatov poiska Google, Yandex i DuckDuckgo” [A Variety of the “Others”: Images of “Moscow Migrants” in the Search Results of Google, Yandex and DuckDuckgo] // *Zhurnal issledovanij sotsial’noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 18, no. 4: 641—656. (In Russ.)

Tselykovskiy A.A. (2016) “Politicheskij mif kak determinanta formirovaniya natsional’nogo politicheskogo soznaniya” [Political Myth as a Determinant of Formation of the National Political Consciousness] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 3 (385): 13—20. (In Russ.)

Vakulenko E.S. (2019) “Motivy vnutrennej migratsii naselenija v Rossii: chto izmenilos’ v poslednie gody?” [Motives for Internal Migration of Population in Russia: What Has Changed in Recent Years?] // *Prikladnaja ekonometrika* [Applied Econometrics], no. 3 (55): 113—138. (In Russ.)

Varganova O.F. (2015) “Obraz trudovogo migranta v federal’nykh i regional’nykh SMI (po rezul’tatam kontent-analiza)” [The Image of Migrant

Workers in Federal and Regional Mass Media (Results of Content Analysis) // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], no. 3 (11): 81—93. (In Russ.)

Vesnina L.E. (2009) “Militarnaja metafora, predstavljajushchaja obraz migranta v otechestvennykh SMI” [Military Metaphor Creating the Image of Migrants in Russian Mass Media] // *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology], issue 3: 27—34. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2767/1/licu-2009-03-04.pdf> (accessed on 24.03.2023). (In Russ.)

Vesnina L.E. (2010) “Metaforicheskoe modelirovanie migratsii v rossijskikh pechatnykh SMI” [Metaphorical Modeling of Migration in Russian Print Mass Media] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (31): 84—89. (In Russ.)

Voronov S.A. and I.A.Sidorov. (2021) “Mekhanizmy poiskovoj sistemy Google, ispol'zuemye v informatsionnom protivoborstve” [Google Search Engine Mechanisms Used in Information Warfare] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Informatsionnye tekhnologii* [Vestnik NSU. Series: Information Technologies], vol. 19, no. 1: 26—38. (In Russ.)

Weber M. (1994) *Izbrannoe: Obraz obshchestva* [Selected Works: The Image of Society]. Moscow: Jurist. (In Russ.)

Yakimova O.A. (2015) “Mediadiskurs inostrannoj migratsii v Rossiju v kontekste konstruirovaniya mezhetnicheskogo vzaimodejstviya” [Constructing Inter-Ethnic Interaction: Media Discourse of International Migration in Russia] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 18, no. 3: 123—136. (In Russ.)

Zayonchkovskaya A. (1991) *Demograficheskaja situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Zheng T. (2007) “Performing Media-Constructed Images for First-Class Citizenship: Political Struggles of Rural Migrant Hostesses in Dalian” // *Critical Asian Studies*, vol. 39, no. 1: 89—120.